

Злата Хитрова • Ада Огнева

Развод с предателем. Теперь твоя очередь потерять всё!

Ада Огнева

**Развод с предателем. Теперь
твоя очередь потерять всё!**

«Автор»

«Автор»

2026

Огнева А.

Развод с предателем. Теперь твоя очередь потерять всё! /

А. Огнева — «Автор», «Автор», 2026

Я вернулась домой с международной наградой, мечтая отпраздновать победу с мужем. А застала его в нашей постели с лучшей подругой. На её ушах блестели бабушкины сапфиры. Мой салон уже записали на неё, квартиру — на мужа, счета заблокировали. Даже родной сын поверил их лжи.— Ты старая, Рая. Твоё время вышло! В сорок два я осталась на улице с двумястами шестьюдесятью рублями и травмированной рукой. Но они забыли главное: мой талант не перепишешь на любовницу. Я открою новый салон, верну доброе имя и заставлю предателей пожалеть. А суровый хирург, спасший меня, неожиданно предложит то, во что я перестала верить: любовь.

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Злата Хитрова

Развод с предателем. Теперь твоя очередь потерять всё!

Глава 1

Тубус с дипломом я прижимала локтем к боку: золотое тиснение уже натёрло на ладони полоску. Международный диплом колориста высшей категории. Я трижды вытаскивала его в поезде, перечитывала свою фамилию и прятала обратно, пока соседка не начала улыбаться. Триста сорок тысяч за двухнедельный курс — раньше от одной этой суммы я бы не заснула. Теперь вспоминала ночь у манекена, пальцы, которыми на следующий день больно было застёгивать пуговицы, и то, как вызвали меня за Гран-при. Дома Гена скажет, что я молодец. Я хотела услышать это от него.

В другой руке оттягивал пальцы крафтовый пакет: охлажденная утка, бутылка сухого рислинга, розмарин и любимый Генкин инжирный сыр. Поезд пришел на шесть часов раньше — я поменяла билет на утренний экспресс, чтобы успеть запечь птицу с яблоками к его приходу с работы. Хотелось войти, прижаться к колючей щеке, вдохнуть его привычный запах одеколona и сказать: «Ген, теперь мы точно выкупим соседнее помещение под мою студию. Сами. Без кредитов».

У двери нашей четырёхкомнатной на Карла Маркса я привычно приготовилась дёрнуть ключ: нижний замок заедал. Но тот провернулся легко. Верхний вообще оказался открыт. Я взглянула на часы — два дня, четверг. Гена должен быть на работе. Неужели тоже решил приехать пораньше?

Придержав дверь локтем, я шагнула на плитку; тубус прошёл у самого косяка. Дальше не пошла. На коврике лежало то, чего здесь не должно было быть.

Прямо посреди коврика валялись алые лаковые лодочки на двенадцатисантиметровой шпильке. Тридцать шестой размер. Узкий мыс с золотой пряжкой. Я знала эти туфли так же хорошо, как свои собственные ножницы: три недели назад мы со Светкой выбирали их в «Пассаже». Света еще ныла, что колодка жесткая, а я смеялась и говорила: «Зато ноги в них — от ушей».

От «Баккары» чесалось в носу. Светка всюду оставляла этот запах — даже в машине после десятиминутной поездки приходилось открывать окно. Здесь окно не открывали. Я вдохнула ещё раз, поняла, что пахнет не только духами, и крепче вцепилась в ручки пакета.

Пакет с продуктами выскользнул из онемевших пальцев. Стеклоанная бутылка рислинга с глухим звоном стукнулась о плитку, но не разбилась, покатила к плинтусу, оставляя влажный след.

Тишина. А следом из спальни — ленивый, влажный стон и характерный скрип пружин нашего ортопедического матраса. Того самого, за который я в прошлом месяце отдала всю выручку от свадебного сезона, потому что у Гены «ныла поясница».

Я ещё могла повернуть обратно. Позвонить Гене из прихожей, дать им минуту одеться — и потом выслушивать, что всё неправильно поняла. Эта мысль почему-то оказалась страшнее двери в конце коридора. Я пошла к ней. Тубус стучался о бедро, и на каждый удар я вздрагивала.

Дверь в спальню была приоткрыта на ладонь.

Я толкнула ее.

Белоснежное сатиновое белье с вышивкой — мой подарок нам на двадцатилетие брака — было сбито у изножья. Муж лежал на моей подушке. Рядом, прижавшись к его плечу, сидела Светлана с растрепанными медными прядями. Моя лучшая подруга с седьмого класса. Свидетельница на нашей свадьбе. Крестная нашего сына Дениски.

— Гена... — только и смогла выдавить я. Голос сорвался на сиплый шепот, будто мне в гортань плеснули кислоты.

Они даже не вздрогнули. Не засуетились, не попытались натянуть одеяло.

Светка медленно повернула голову, сдула со лба взмокшую челку и отодвинулась от Гены, подтянув к груди краешек простыни. На ее холеном лице не было ни капли стыда. Только скучающая, сытая усмешка.

А потом она неторопливо подняла руку и поправила тяжелую сапфировую подвеску в мочке уха.

У меня потемнело в глазах.

Это были серьги моей бабушки. Старинное дореволюционное серебро с глубокими, васильковыми камнями в глухой огранке. Мой единственный оберег, который я хранила в шкатулке на туалетном столике и надевала раз в год — на день рождения.

— Чего застыла на пороге, Раечка? — протянула Света, оглаживая пальцем холодный сапфир. — Рано ты. Мы вообще-то к вечеру тебя ждали. Ну да ладно, всё равно пора было закружиться с этим цирком. Старая ты стала, подруга. Сдала совсем. Не реви только, морщины вокруг глаз еще глубже станут.

— Тварь... — Я поставила тубус у дверного косяка. Зачем-то аккуратно, крышкой вверх. Светка проследила за мной глазами и снова потрогала серьгу — будто примеряла, подходит ли ей. Тут я перестала соображать. — Сними. Немедленно сними мои серьги, сука!

Я бросилась к кровати, вытянув руки, готовая вцепиться в ее холеную шею, содрать бабушкины сапфиры вместе с мясом. Но не долетела.

До Светки я не дотянулась. Гена схватил меня за правое запястье и вывернул кисть. Я вскрикнула, попыталась повернуться вслед за рукой, чтобы хоть немного ослабить хватку. Он держал. Коленями я ударилась о ковёр и смотрела уже не на серьги — на свои пальцы. Только бы он их не сломал. Чем я буду работать?

— Руки убери, истеричка, — процедил муж сквозь зубы. Его лицо, всегда такое холеное, с аккуратной профессорской бородкой, сейчас перекосило от брезгливости. Он сжал пальцы крепче, вдавливая кость в кость, пока под кожей не начали наливаться багровые синяки. — Я сам ей их подарил. Поняла? Сам достал из твоей коробки и надел. На Светке они сияют. А на твоих вечно иссушенных супрой культиках и шее базарной бабы эти камни смотрелись как дешёвка из перехода. Ты в зеркало на себя давно смотрела, Рая? Ты же мочалка. Руки вечно в язвах, под глазами круги, воняешь краской за километр.

— Гена... отпусти... больно... — простонала я, пытаюсь вырваться, но он дернул еще сильнее, заставляя меня согнуться почти до пола.

— Потерпишь, — он брезгливо разжал пальцы и толкнул меня в плечо. — Вставай. Пошли в гостиную. Разговор есть.

Светлана сладко потянулась на нашей постели, накинула мой шелковый изумрудный халат — даже не постеснялась — и босиком пошла следом за нами, покачивая бедрами.

В гостиной пахло моим домом. На стенах висели картины, которые я выбирала на арт-ярмарках. На подоконниках цвели орхидеи, политые мной перед отъездом. Этот паркет я натирала воском до мозолей на коленях, эти диваны из натуральной кожи я оплачивала наличными из своего кармана, пока Гена «искал инвесторов» и строил из себя великого управляющего.

— Пошла вон отсюда, — сказала я Светлане, остановившись у дивана и прижимая ноющее запястье к груди. Голос дрожал, но внутри поднималась слепая, клочущая ярость. — Вон из моей квартиры. Сейчас же. Или я вызову полицию.

Света тихо хмыкнула и села в мое любимое кресло-качалку, закинув ногу на ногу.

Гена подошел к резному секретеру, достал плотную белую папку и с сухим стуком швырнул ее на стеклянный журнальный столик прямо передо мной.

— Полицию? — он саркастично искривил тонкие губы. — Вызывай. Только объясни наряду, на каких основаниях ты пытаешься выгнать законных владельцев. Читай, Рая. Ты же у нас грамотная. Не всё же тебе чужие патлы краской мазать да сплетни с клиентками разводить.

Дрожащими, потерявшими чувствительность пальцами я открыла папку. Свежая выписка из Единого государственного реестра недвижимости. Дата — прошлый вторник.

Собственник: Мельников Геннадий Васильевич. Доля: 1/1.

Основание: договор дарения.

В копии договора стояла моя подпись. Я не помнила ни этой бумаги, ни такого подарка.

Глава 2

— Что это?.. — буквы расплывались перед глазами в мутные черные пятна. — Гена, что это такое?! Эта квартира куплена на деньги от продажи маминой двушки и моих накоплений! Я пятнадцать лет стояла у кресла по четырнадцать часов в сутки! У меня вены на ногах узлами завязаны ради этого дома!

— А по документам, дорогая, ты три года назад подписала мне генеральную доверенность на ведение всех имущественных дел, — спокойно, менторским тоном произнес он, поправляя воротник наспех натянутой рубашки. — Помнишь? Когда мы брали первую франшизу для аптеки. Ты же сама орала: «Геночка, я в этих бумажках ничего не понимаю, сделай всё сам, я тебе доверяю». Ну вот я и сделал. Грамотно распорядился семейным активом. Ты здесь больше никто, Рая. Даже не прописана. Я снял тебя с учета в понедельник.

На выписке стояла дата: прошлый вторник. Пока я стояла у учебного кресла в Москве, он сделал это здесь.

Не могла отвести глаз от воротника его рубашки. Я сама гладила её перед поездкой, вместе с остальными, чтобы он без меня не ходил мятым. Забила холодильник супами — ему нельзя жирное. Сказала, где лежат наличные. Даже за костюм для переговоров заплатила я: своё пальто дотянет до следующей зимы. И теперь он в этой рубашке объяснял, что меня здесь больше нет.

— Ты... ты все спланировал? — прошептала я, глядя в его пустые, водянистые глаза.

— Скажи спасибо, что не выставил тебя зимой, — вмешалась Светка, любуясь своим свежим французским маникюром. — Сейчас сентябрь, ещё тепло. На улице не замерзнешь. А чемоданчик твой мы уже собрали. Геночка позаботился.

— Какой чемоданчик?.. — я дернулась в сторону гардеробной. Там стоял мой профессиональный алюминиевый кейс. Моя жизнь. Японские филировочные и прямые ножницы Kasho ручнойковки, горячие бритвы, немецкие машинки, запасы люксовых пигментов — оборудование, которое я собирала по крупицам больше десяти лет. Оно стоило под миллион рублей.

Но сделать шаг мне не дали. Гена схватил меня за шиворот куртки, которую я так и не сняла, и поволок к выходу.

— Пусти! Инструменты! Отдай мои ножницы! — закричала я, впиваясь ногтями в его ладони.

Дверь квартиры распахнулась. С лестничной площадки четвертого этажа пахнуло сыростью и чужой пылью.

Под ноги мне с глухим стуком вылетела дешевая полосатая китайская сумка-баул — такие продают на рынках за триста рублей. Из незастегнутой молнии сиротливо торчал край моего старого махрового халата, стопка застиранных футболок и пара стоптанных домашних тапочек.

— А кейс твой я уже в багажник своей машины перегрузила, — сладко пропела Светлана, высунувшись из-за широкого плеча Гены. В ее зубах дымились тонкая ментоловая сигарета, пепел падал прямо на чистый коврик. — Будем считать это компенсацией за реорганизацию твоего салона «Эдем». Мы с девочками посоветовались... Короче, вывеску мы меняем на «Светлана-Бьюти». Клиентская база остается мне, помещение переоформлено на Гену. А тебе, дорогая, пора на пенсию. С твоими-то артритными пальцами только старух в социальных парикмахерских под машинку стричь.

— Гена! — я вцепилась в дверной косяк, сдирая ногти о шершавую штукатурку. Слезы наконец хлынули — горячие, обжигающие, позорные. — Гена, вспомни! Мы же с нуля начинали! В общежитии, на одной раскладушке! Я Дениску на руках носила, пока ты дипломы заочникам за копейки писал! Наш сын... Что ты скажешь Денису?!

Гена медленно наклонился ко мне. Я искала на его лице хоть что-нибудь знакомое. Он говорил мне «Раечка», когда просил денег, морщился перед неприятным звонком, шурился, если Денис смешил его за ужином. Сейчас Гена просто смотрел на мои пальцы на косяке. Ждал, когда разожму и дам ему закрыть дверь.

— Денис взрослый парень, студент, учится в Питере на платном. Кстати, за его семестр теперь платит моя аптечная сеть, так что он быстро поймет, на чьей стороне правда, — тихо, отдельно произнес муж. — А насчет двадцати лет брака... Запомни, Рая. Я никогда тебя не любил. Ты была удобной. Безотказной рабочей лошадью, которая тащила на себе быт и не задавала лишних вопросов, пока я поднимался на ноги. Ты была прислугой с функциями бесплатного кошелька. Но теперь я вырос из этого уровня. Света — женщина моего круга. Красивая, яркая, ухоженная. А ты... ты просто выработанный материал.

Он с силой оторвал мои пальцы от косяка и захлопнул тяжелую дубовую дверь.

Щелкнул нижний замок. Затем — верхний, сувальдный.

— Открой... Гена, открой! — я заколотила кулаками по гладкому дереву, сбивая косяшки в кровь. — Воры! Отдайте мои вещи! Отдайте ножницы!

За дверью раздался приглушенный Светкин смех и звук открывающейся бутылки рислинга — того самого, что я привезла к праздничному столу.

В подъезде хлопнула дверь этажом выше — кто-то из соседей выглянул на шум, но тут же трусливо заперся обратно.

Я попробовала постучать ещё раз, но правой рукой уже не могла. Прислонилась к стене и села рядом с баулом. Сверху у соседей звякала посуда. Люди ужинали или готовили обед, ругались на детей, ходили по своим квартирам. А я сидела в подъезде своего дома и не знала, куда девать этот баул.

«Старая ты стала, Раечка». «Базарная баба». «Выработанный материал».

Я повторяла его слова, пытаюсь найти между ними лазейку. Может, с квартирой ещё можно разобраться. Бизнес — на него, но клиентки приходили ко мне. А серги он взял прямо из моей шкатулки. Как будто я уже умерла и мои вещи можно делить. Мне захотелось снова ударить в дверь. Но оставаться здесь я больше не могла: за дверью они пили мой рислинг.

Я заставила себя встать. Пальцы на травмированном запястье пульсировали тупой, ноющей болью, сустав опух и посинел. Схватив ручки дурацкого баула, я побрела вниз по лестнице. Каждый шаг отдавался во всем теле.

На улице хлынул дождь — тяжелый сентябрьский ливень, мгновенно превративший пыльный асфальт в серое месиво. Холодные струи за секунду промочили мою тонкую джинсовую куртку, вода потекла за воротник, смешиваясь со слезами.

Я дотащилась до автобусной остановки с разбитым козырьком, поставила сумку в лужу и дрожащей левой рукой вытащила из кармана смартфон.

Пальцы не попадали по экрану. Надо было попасть под крышу. Я вспомнила мотель на обьездной: там останавливались приезжие мастера, говорили, недорого. Такси, номер на одну ночь. Вымыть руки, приложить что-нибудь холодное к запястью. С утра — к юристу. До утра я разрешила себе ничего не решать.

Я открыла приложение банка, чтобы перевести две тысячи на карту такси.

Экран мигнул. Появился красный восклицательный знак: *«Ошибка авторизации. Доступ к мобильному банку ограничен по требованию владельца основного счета».*

— Нет... нет, пожалуйста... — прошептала я в мокрый экран.

Следом пришло короткое системное уведомление. Одно за другим:

«Дополнительная карта на имя Мельникова Р. П. заблокирована». *«Баланс: 0.00 руб. Карта заблокирована владельцем счета».*

Гена не просто выставил меня за дверь. Он заблокировал карту, привязанную к его ИП, на которую я складывала все свои безналичные расчеты от клиенток последние пять лет. Он

оставил меня посреди улицы в чужом дожде без доступа к заработанным деньгам. Из мокрого кармана я выгребла две сотни и мелочь на автобус — забытая сдача после вокзального магазина. На ночь в мотеле этого не хватало.

Крупная холодная капля упала на стекло телефона, расплылась уродливой линзой, и экран окончательно погас.

За моей спиной во дворе с глухим, чугунным стуком захлопнулась подъездная дверь с кодовым замком, отрезая меня от прошлой жизни навсегда.

Глава 3

Банкомат выплюнул серый пластик с глухим металлическим щелчком. На тусклом зеленоватом экране замигала строчка: *«Операция отклонена. Карта заблокирована банком-эмитентом»*.

Я замерла, втянув голову в плечи. Осенний сырой ветер хлестнул по мокрым щекам, забираясь под тонкую куртку, в которой я так и простояла в прихожей перед тем, как за мной с грохотом захлопнулась дверь собственной квартиры.

Пальцы онемели. Я снова протолкнула карту в узкую светящуюся щель, быстро вбила четыре цифры — дату рождения сына. Тот же противный писк. Отказ.

Внутри просторного, залитого холодным светом отделения банка пахло мокрыми пальто и дешевым растворимым кофе. За перегородкой с номером четыре сидела молоденькая операционистка с накладными ресницами такой длины, что они едва не хлопали по стеклам ее очков.

— Девушка, посмотрите, пожалуйста. — Я положила карту на стойку и только тогда заметила, что держу её вверх ногами. Перевернула. — Карта заблокирована. Мне нужно снять наличные. Срочно.

Вышло почти шёпотом. Я прочистила горло, но девушка уже протянула руку за пластиком.

Девушка нехотя взяла пластик длинными ногтями, пробежалась пальцами по клавиатуре.

— Ваша дополнительная карта заблокирована по заявлению основного держателя. Мельникова Геннадия Васильевича. Вчера в восемь утра. По ней расходные операции недоступны. На самом счете деньги есть, но распоряжаться ими может основной держатель.

— В каком смысле — не могу распоряжаться?! — у меня потемнело в глазах. — Это наш общий счет! Семейный! Я вносила туда наличные каждую пятницу! Распечатайте мне выписку за последний год. Немедленно!

Операционистка закатила глаза, но принтер за ее спиной натужно застрекотал. Листы бумаги по операциям моей карты легли передо мной — плотные, белые, пахнущие горячей краской.

Мой палец дрожал, скользя по бесконечным строчкам. Вот они: «Пополнение через банкомат» — тридцать пять тысяч, сорок две тысячи, шестьдесят восемь тысяч... Мои рабочие недели. Мои ноющие к ночи вены на ногах. Мои стертые до трещин подушечки пальцев от едкого осветляющего порошка. Двадцать лет я кормила семью, пока Геночка «искал себя», а потом «вкладывался в сеть аптек».

На последнем листе была карточка полномочий по салонному счёту — девушка захватила её из Гениного клиентского досье. Мой взгляд зацепился за фамилию в графе доверенных лиц.

Корнилова Светлана Юрьевна. Право второй подписи. Право распоряжения салонным расчетным счетом.

Дата оформления — четырнадцатое июня. Три месяца назад.

Три месяца.

В июне мы с ней сидели на моей кухне, пили чай с мятой, и Света сочувственно гладила меня по плечу: «Раечка, ты так бледненько выглядишь, совсем себя на работе сожгла, давай я помогу с бумажками, сниму с тебя эту бухгалтерию...»

Они грабили меня в четыре руки. Методично, расчетливо, пока я выбирала краску подороже и радовалась, что муж наконец-то купил себе приличный костюм для презентаций.

— Послушайте. — Я прижала выписку к стойке, чтобы она не дрожала вместе с рукой. — Я этого не разрешала. Светлана к моим деньгам никакого отношения не имеет. Мой муж переоформил доступ без моего согласия. Где управляющий? Позовите управляющего!

Девушка отодвинулась от стекла. Пусть хоть начальника позовёт, раз сама не хочет слушать.

Дверь с латунной табличкой «Начальник отделения» распахнулась раньше, чем операционистка успела нажать кнопку. На пороге появился Вадим Сергеевич, Генин приятель. Каждую осень они ездили на кабана, а потом мне приходилось возиться с жилистым мясом, которое невозможно прожевать. Я его узнала сразу и даже обрадовалась: он-то знает наш салон, сам привозил жену на стрижку. Вадим придерживал дверь животом и щурился на меня поверх очков.

— Раиса? — он окинул меня масляным, насмешливым взглядом, задержавшись на растрепанных ветром волосах и дешевых кроссовках. — Чего шумим в зале? Людей пугаешь.

— Вадим, заморозь транзакции, — я шагнула к нему, сжимая в руке смятую распечатку. — Гена обнулил счета. Он вписал Светку в салонную доверенность! Это уголовщина, понимаешь? Это мои деньги!

Вадим улыбнулся. Я знала эту улыбку: так он рассказывал за столом, как удачно кого-нибудь обвёл. Теперь, выходит, моя очередь. Он даже не взглянул на лист, который я протягивала.

— Раечка, дорогая моя. Мы здесь — солидное финансовое учреждение, а не передача про разборки на лавочке. Геннадий Васильевич — предприниматель, на которого открыт счёт, и наш крупный клиент. А твои семейные склоки и бабские обиды меня не касаются. Надо было дома за мужем следить, а не ножницами щелкать.

— Ты прекрасно знаешь, чей это бизнес! — крикнула я, и голос мой эхом раскатился по тихому залу. — Я с нуля его подняла!

— Охрана, — не повышая тона, бросил Вадим через плечо. — Выведите гражданку. Она мешает работе отделения.

Охранник подошёл сзади. Я не успела убрать распечатку: он прижал мой локоть к боку и взял за плечо. Ключицу прострелило болью. — Подождите, мне документы... Я потянулась к стойке, но он уже разворачивал меня к выходу. Листы я сгребла левой рукой, скомкала, лишь бы не оставить им.

— Сама пойду! Убери лапы! — выдохнула я, вырываясь.

Двери разъехались, вытолкнув меня на холодный асфальт. В кармане куртки глухо звякнуло. Я нащупала мелочь: шесть монет по десять рублей и пара мятых сотенных бумажек. Двести шестьдесят рублей. Всё, что осталось от двадцати лет брака и успешного бизнеса.

«Инструменты», — обожгла внезапная, спасительная мысль.

Японские прямые ножницы *Kasho*, филировочные с золотым винтом, два профессиональных фена, за которые я отдала две месячные выручки, кейс с итальянскими красителями и щипцами. Мои руки. Мой хлеб. Если у меня будут инструменты, я смогу принимать клиентов на дому. Я выгребу. Я не сдохну под забором.

Утром я подзарядила телефон в банке, потом добралась до салона «Эдем» на улице Ленина за двадцать минут, не чувствуя, как ледяная жижа затекает в прохудившийся ботинок.

Но на углу дома меня словно ударило под дых.

Моей вывески не было. Резная деревянная табличка, которую мне на тридцатилетие с такой любовью вырезал старый мастер-краснодеревщик, валялась прямо возле мусорного контейнера, расколота пополам. На ее месте, над свежевыкрашенным в ядовито-розовый цвет козырьком, горел неоновый кошмар: *«Светлана-Бьюти. Салон эстетики и стиля»*.

Колокольчик над дверью звякнул предательски звонко, когда я ворвалась внутрь.

За стойкой администратора никого не было, но из вип-зала пахло моим любимым лаком для волос с ароматом миндаля.

— Света! — крикнула я, задыхаясь.

Шелковая портьера отодвинулась. На пороге стояла моя лучшая подруга. На ней был мой рабочий джинсовый фартук с медными заклепками — я заказывала его в Питере по спецпошиву. На ее пышной груди висел серебряный бейдж «Светлана — топ-стилист и владелица».

— Чего разоралась, Мельникова? — лениво протянула она, разглядывая свой свежий маникюр. — Клиентов распугаешь. Хотя у нас теперь приличная публика, не то что твои пенсионерки.

— Отдай мои ножницы и чемодан. — Шагнув к ней, я спрятала больную кисть под локоть. Нельзя давать Светке ещё и руку: достаточно уже того, что Гена сделал вчера. — Фартукними, тварь. И отдай мои кейсы.

Света тихо, ядовито рассмеялась:

— Какие кейсы, Раюш? Ты пьяная, что ли? Все оборудование, расходники и инструмент закуплены по безналу на ИП Мельников. Чеки в бухгалтерии подшиты. Ты здесь кто? Никто. Наемная крутильщица бигудей без трудового договора. Сама же орала, что налогам ни копейки не отдашь, все через Генку проводила. Так что по закону — тут даже пылинки на плинтусе не твоя.

— Я эти ножницы из Японии под заказ три месяца ждала! — мой голос сорвался на визг, в глазах встали горячие слезы унижения. — Ты знаешь, сколько я за них отдала?!

— Забудь. — Света перестала улыбаться и встала между мной и шкафом с инструментами. Я знала этот шкаф изнутри: на нижней полке всегда лежал мой кейс. Сейчас она не дала даже посмотреть туда. — Пошла вон отсюда, пока я тревожную кнопку не нажала. Генка предупредил: если будешь крутиться рядом — вызовем наряд и оформим за мелкое хулиганство. Проваливай, Рая. Твое время вышло. Ты — старый отработанный материал.

Она с силой захлопнула передо мной пластиковую дверь и щелкнула замком.

Я осталась стоять на скользком крыльце, хватая ртом холодный осенний воздух. Внутри всё горело так, словно мне в грудь плеснули серной кислоты. Двадцать лет дружбы. Мы делили одну пачку сигарет на двоих в девяностых, я сидела с ее больной матерью, когда Света гуляла по кабакам, я вытаскивала ее из долгов...

Глава 4

Цокот каблучков по мокрому тротуару заставил меня обернуться.

К крыльцу поднималась Нина Сергеевна — жена заммэра, моя самая преданная клиентка, которую я вела двенадцать лет. Только мне она доверяла свои капризные пепельные волосы, только со мной делилась семейными тайнами за чашкой зеленого чая.

— Нина Сергеевна! — бросилась я к ней, как к спасительному кругу. — Господи, Нина Сергеевна, вы не представляете, что происходит... Меня выгнали, ограбили...

Женщина резко остановилась и с брезгливой гримасой отдернула руку в дорогой кожаной перчатке, словно я была чумной.

— Отойдите от меня, Раиса, — ледяным тоном процедила она, оглядывая меня с ног до головы. — И не смейте ко мне приближаться.

— Что?.. — я застыла с протянутыми руками.

— Светлана Юрьевна сегодня утром сделала общую рассылку по всей клиентской базе, — Нина Сергеевна поджала тонкие губы. — Мы все в шоке. Оказывается, вы годами брали оплату мимо кассы, чтобы содержать какого-то молодого альфонса. Но это полбеды. Вы работали с клиентами, зная, что у вас кожная инфекция! Светлана приложила сканы вашей переписки с клиникой. Какая низость. Какая отвратительная, грязноротая баба. А я вам доверяла свою голову!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.